

Огни Кузбасса

№ 4 / 2020

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЁТСЯ С 1949 ГОДА

№ 4 / 2020

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПРОЗА

- Сергей Подгорнов.** Поглощение. Роман 3
Дмитрий Лагутин. Два рассказа 68
Эвелина Азаева. Два рассказа 80

ПОЭЗИЯ

- Александр Катков.** Берегиня 65
Иван Полунин. Родник поёт у колыбели 78
Андрей Пятак. Зонтики с людьми 98

РУССКАЯ ШКОЛА

- Светлана Голубева.** Великий князь Александр Невский. Историческая мозаика 100
Ирина Фролова. Зерно чуда 117

ЦИТАТА

- Зоя Естамонова.** Я и мы 119

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ. КНИГА ПАМЯТИ

- Диана Балибалова.** Нам дороги эти позабыть нельзя 124
Валерий Ларин. Мой отец Иван Матвеевич Ларин 132
Анатолий Воробей. Рассказ Валентины Сапрыкиной о борьбе с фашистами на трудовом фронте в Салаире и о сестре, ставшей безвинной жертвой войны 133

300 ЛЕТ КУЗБАССУ. КНИГА ПАМЯТИ

- Игорь Мангазеев.** Стальной разбег Мошковского 137

КНИГА ПАМЯТИ

- Галина Карпова.** С божественной любовью к поэзии. К 105-летию со дня рождения Ларисы Фёдоровой 140
Евгений Чириков. Алгебра и гармония Софьи Ковалевской 148

300 ЛЕТ КУЗБАССУ. ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

- Наталья Ильяшенко.** История Никольского храма и прихода села Усть-Искитимского, в XIX–XX веках располагавшегося на территории современного храма и прихода святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, г. Кемерово 150

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

- Надежда Якушева.** Старинным Полоцком иду 155

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

- Ольга Гуляева.** Два рассказа 158
Марина Фёдорова. Книжкин дом. Сказка 162

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Владимир Есенин.** Сирень, цветущая у сердца (О книге Александра Каткова «Сирень»)

**Сергей
ПОДГОРНОВ**

ПОГЛОЩЕНИЕ

Роман

Время приближалось к половине девятого утра.

В старой конторе общества с ограниченной ответственностью «Ремстройналадка» стояла сладкая тишина. Можно было подумать, что кто-то, чья ответственность уж точно никакими рамками не ограничена, вытолкал служащих из всех кабинетов на улицу. И проделал это с единственной целью – чтобы они там, помахивая метлами и граблями, занялись уборкой территории или ещё чем-нибудь полезным.

Но если рассуждать логически, старая контора давно заслужила право на тишину и покой.

Построенная, страшно сказать, в тридцатых годах прошлого века, она обветшала до крайности. Таких хилых сооружений в Асинске было ещё поискать и поискать! Она пережила множество раз и жаркое лето, и осенние месяцы с проливными дождями, и холодные зимы, когда снег спускается с неба и ложится на крышу так торжественно, что скорее изволит падать, чем падает. Снаружи бревенчатые стены имели неряшливый вид, словно их измазали сажей. Ткнув пальцем в иное бревно, можно было погрузить его целиком в прогнившее нутро. Нахлобученная по окнам крыша походила на шляпу трухлявого мухомора – только не праздничную, красную с белыми точками, а серую шиферную и местами дыря-

вую, отчего внутри, на стенах коридора, кое-где красовались грязные подтёки.

За долгую жизнь эта старушка видела многое. Она успела дать тепло и приют руководящим службам разных организаций. Первой её в те полузабытые дни, когда страна отважно спасала челюскинцев, начала обживать бурразведка. Угля под Асинском нашли немерено, вот только никто не знал, на какой глубине и в каких границах. Чтобы иметь полную ясность, в городе и вокруг взялись бурить скважины и даже специальную фирму для этого сварили. Когда весь Асинск продырявили не хуже дуршлага и что на глубине перестало быть загадкой, необходимость в бурразведке отпала, а на освободившуюся территорию торжественно въехал водоканал. В стенах конторы начались скандальные утренние планёрки. Собираясь у главного инженера, начальники участков матерно плакали на нехватку труб, частую поломку выдавшей виды техники и доказывали угрюмому хозяину кабинета, где в первую очередь надо начинать замену задвижек. Когда речь заходила о том, на чьём участке экскаватор в данный момент нужнее, азартные начальники нередко переходили на такой крик, который лишь каким-то чудом не оканчивался мордобоем и увечьями.

ПОДГОРНОВ Сергей Елизарович родился в 1956 году в Анжеро-Судженске. Окончил Дальневосточный государственный университет. Работал в конструкторском бюро г. Владивостока. В 1987 году вернулся в Анжеро-Судженск, работал в городской газете, на стекольном заводе, сейчас инженер по охране труда в городском водоканале. Автор двух книг стихов и книги прозы. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь». Член Союза писателей России. Живёт в Анжеро-Судженске.

Через два десятка лет водоканал соорудил новую базу в другом городском районе и вместе с планёрками живенько перекочевал туда. А контора и прилегающие к ней производственные помещения, отгороженные от остального мира глухим деревянным забором, превратились в механические мастерские. В помещениях загудели станки и отчаянно, с болью завизжало железо: с него принялись сдирать стружку. Из года в год здесь ремонтировали машины и механизмы, которые ещё могли подлежать ремонту. В лихие девяностые, когда работа сошла на нет, мастерские благополучно обанкротились и возникло некое ООО «Мостремонт». Это рыночное порождение изумило Асинск необузданностью планов и в какие-нибудь полгода заменило деревянный забор вокруг территории на бетонный, а для своей администрации слепило кирпичное двухэтажное здание. Получился свежий и весёлый теремок не только для лягушек-квакушек, но и для мышек-норушек: лестничка с навесом у левой стены вела в подвал, там разместились подсобки для слесарей и монтажников – площади использовались до мелочей. Воздвигнув новый теремок, в запале чуть было не разнесли заслуженную хибару: уже ходили вокруг крепкие молодцы, шурясь, сплёвывая и примериваясь, откуда начать. Уже мастер ремонтно-строительного участка сжимал в ниточку губы, перебирая в уме, кому толкнуть на дрова негодное дерево. Но не все головы оказались горячими. Кто-то из владельцев, здраво рассудив, принял решение, что старушка ещё послужит. Топор судьбы, занесённый над старой конторой, опустился, не причинив на этот раз вреда. Затем дела у свежих капиталистов покатились кувырком. Возникли другие хозяева, а прежние – исчезли. Двое – самым загадочным образом: их так и не отыскали. Ненадолго объявил себя некий «Тех Мех», после него ООО «Строймонтаж», и вот всплыла нынешняя «Ремстройналадка». Причем, начиная с «Мостремонта» и заканчивая «Ремстройналадкой», люди на местах оставались в основном те же, менялись только вывески и владельцы. Размах куда-то испарился, а старая контора, избежав ужасной участи, сохранилась и некоторые службы в ней – тоже.

И вот, после такой истории, отчего бы не совершить сюда экскурсию?

Попробуем.

Стоит только с улицы Отважных Дружинников миновать огромные железные ворота – за

ними из окошка проходной следит сторож – как слева, сразу за собачьей будкой, встречает она, старушка. Хоть одноглазый, с порванным ухом Пират и скалит зубы из круглого отверстия будки, псина он безобидная, любит почесаться и пропустит на территорию всякого. Даже какого-нибудь зловредного инспектора из тех имеющих полномочия органов, что появляются тут с самыми гнусными намереньями. Четыре скрипучие некрашенные ступеньки, затем тамбур не больше вагонного, и вот вы вступили под её сень. На правой стене узенькая дощечка: «Ответственный за пожарную безопасность Ю. М. Волков». На полу под дощечкой покрытый пылью пузатый огнетушитель бог знает какого года выпуска. Если отодвинуть огнетушитель в сторону – за ним обнаружится с десятков сигаретных окурков. В старой конторе уборщицы меняются часто, заглянуть за огнетушитель успевает не каждая. Проход упирается в кабинет под названием «Диспетчерская». Сюда по утрам ломятся водители самосвалов и погрузчиков, и на полчаса становится шумно. Рядом с диспетчерской, слева, на побитой двери выцветшая табличка, извещающая, что за нею производственный отдел, а вправо убегает длинный прямой коридор, который также обрывается потемневшей дверью

го на весь коридор окна. Однако, несмотря на кажущееся безлюдье, жизнь теплится и здесь, служащие никуда не делись, и даже в туалете кто-то пришил к стенке листок с воззванием: «Господа! Убедительная просьба. Не ходите мимо унитаза!!! Смойте за собой!!!»

Такова старая контора.

А в новой, словно для контраста, деятельность бурлила. Бурлила, как вода, закипающая в кофейнике. Чай и кофе тут и впрямь принимали внутрь в огромных количествах: тощие кабинетные девицы хлебали, как ломовые лошади.

К восьми утра новая контора оживала. Две «дежурки» доставляли на базу тружеников «Ремстройналадки». Рабочие бежали в подвал, девицы – на первый этаж конторы. Те, кто занимал кабинеты этажом выше, подъезжали, как и полагается по статусу, на своих машинах. Чёрный ауди тормозил рядом с входом, справа. Из него не спеша выбирался исполнительный директор Ракитин. Он оглядывал территорию, коротко сплёвывал и чеканным шагом направлялся к двери.

С появлением девиц в кабинетах начинали свистеть кофейники. Атмосфера сразу становилась рабочей. Бухгалтерия погружалась в денежные дебри, где рубли превращались в цифры; цифры разбегались по колонкам или, делаясь и множась, перебрасывались из одной графы в другую. Плановый отдел готовил сводку для администрации города – в Асинске всегда исполнялось железное правило: кто-нибудь перед кем-нибудь постоянно отчитывается. Археологи будущих времён ещё обнаружат на древних стеллажах тонны сводок разных организаций. Возможно, только по ним и воссоздадут историю Асинска.

В пятнадцать минут девятого в приёмной собиралось несколько человек. Это были начальники средней руки, и они занимали очередь к Ракитину. У всех имелись текущие вопросы. Главный бухгалтер, внушительных размеров дама, несла на подпись бумаги. От солнца, которое палило сюда всеми лучами, становилось нечем дышать. Секретарь-референт Леночка распахивала окно.

Деятельность фонтанировала не только на втором этаже, где главное начальство принимало стратегические решения и где в обособленных уютных клетушках в окружении картонных и пластиковых папок, набитых сводками, расчётами, пояснительными записками, напрягали умы

три директорских зама, а ещё бухгалтерия, плановый отдел и юрист; но и внизу тоже никакой тишиной не пахло. Тем более что двери кабинетов были раскрыты настежь и отголоски напряжённой работы выплёскивались в коридор. Только кассе, согласно инструкции, надлежало быть запертой изнутри. Она располагалась – как войдёшь, с правой стороны. И очередной посетитель, просовывая деньги в её окошечко, запальчиво излагал туда же своё мнение о расценках наладочных услуг. Невидимая в глубине окошка кассирша привычно отбёрхивалась. А чуть дальше отдел кадров, абонентский отдел и разные другие службы по-своему (шелестом бумаг, телефонными звонками) создавали оптимистичную созидательную обстановку.

И даже главный энергетик Пыжьянов хоть и не кричал в телефон и не шелестел бумагами, но встал с вертящегося кресла, несколько раз согнулся в поясе и помахал руками, подготавливая себя

о местной. Каждый московский начальник из тех, что мелькают в телевизоре, успел огрести от неё по полной. Пригнув голову и засучив рукава, Ольга Вольдемаровна вваливалась со шваброй и ведром в очередной кабинет, выгоняла его обитателей в коридор и начинала наводить порядок. Главный энергетик Пыжьянов называл это «немецким вторжением». Её, безраздельную хозяйку на первом этаже, всерьёз побаивались. У старухи был склочный нрав и привычка говорить не задумываясь.

– Это кто здесь такой умный грязи мне на пол натаскал?! – гремела она.

Старуха особенно невзлюбила главного энергетика. У неё были сильные подозрения, что тот над ней издевается. Причём издевается так изощрённо, что невозможно понять.

На её утверждение, что вокруг одни жулики и только и делают, что тащат из страны, Пыжьянов, махнув рукой, отвечал:

– Эх, Вольдемаровна, у нас-то ещё терпимо! А вот в газете писали, что нечистые на руку арийцы, как только нахпают денег в своей Неметчине, сразу бегут с ними в Россию.

И, наклонившись, интимно спрашивал:

– Ваша родня обратно не собирается?

Ольга Вольдемаровна газет не читала и потому терялась с ответом. Зато её было не переубедить, что все конторские, которые с утра до вечера пялятся в монитор, – отъявленные бездельники, а всякие их бумажки с цифирьками не что иное, как пыль в глаза. Покончив с влажной уборкой в кабинетах, старуха елозила тряпкой по коридору, норовя внезапно подсунуть её под чьи-нибудь ноги и тут же крича, чтоб ей не мешали.

Шумно было в новой конторе. Шумно, лихорадочно и деловито.

А старая контора смахивала на выселки. В красный уголок невозможно было попасть из-за всякого замка. Но всякий, кому удавалось это сделать, видел совсем не то, чего ожидал. Никаких наглядных пособий, стендов с достижениями – ничего. Здесь в беспорядке громоздились сломанные стулья, столы без ножек, железные банки с остатками засохшей краски. Посередине стоял бильярдный стол с продраным зелёным сукном, на нем кий: его кто-то умудрился укоротить через колено. На сукне застыли шары в количестве одной трети от требуемых. Назвать складом это место не поворачивался язык. В складе всё-таки хранятся нужные материалы, а здесь наличествовал хлам. Хлам, с которым не

знали, как расстаться. Рядом с красным уголком, в комнатухе со стеллажами – на них как попало громоздились неисправные приборы и разная железная рухлядь, – молчаливый киповец тыкал паяльником в концы проводков очередного механического инвалида. Дверь в кабинет снабженца часто оказывалась запертой, поскольку снабженец мотался по области, добывая на скупо выделяемые деньги разную мелочь по заявкам наладочных участков. Из производственного отдела каждые сорок минут выскакивал покурить на крыльце Иванов Сергей, которого выгоняли сотрудницы, категорически не желающие терпеть табачный д

раций и прочих дурацких фокусов Юрий Михайлович выглядел молодо. И те, кто знал его мало, полагали, что ему лет на десять меньше, чем было на самом деле.

Просторный кабинет в старой конторе Волков занимал один. Этот кабинет жил в полном согласии с наружной погодой – зимой в нём было холодно, летом жарко. Перед Волковым, у стены, стояли два шкафа, набитые не первой свежести журналами и брошюрами, в их выпускных данных значилось: «СССР» или «РСФСР». Статьи по охране труда отсылали к давно исчезнувшим приказам и постановлениям. Три четверти этого добра можно было спокойно выбросить, но они придавали солидности кабинету и вгоняли в робость тех, кто попадал сюда впервые. А впервые попадали сюда новички, желающие устроиться в «Ремстройналадку». Юрий Михайлович, согласно должностным обязанностям, проводил вводный инструктаж.

Для этого он, не особенно мучая, своими словами втолковывал основное:

– Рук и пальцев куда не надо не совать, соблюдать дисциплину и порядок.

После чего заносил сведения о новом работнике в журнал вводного инструктажа.

В данный момент никто сюда не устраивался. Однако не столько от жары, сколько от умственной работы лицо Юрия Михайловича нежно розовело. Откинувшись на спинку кресла, он замирал, затем опять склонялся над письмом. Правда, письма ещё не было. Перед ним лежал чистый лист бумаги, и следовало исхитриться и сочинить короткий, убедительный и в то же время обтекаемый текст.

Это только кажется, что работа сочинителя лёгкая: берёт человек бумагу и ручку и кропает наобум всё, что в голову придёт. Попробуйте-ка сами! Вдвойне тяжело, что затейливые художества сразу следовало исключить. Письмо было скучное, казённое, для государственного инспектора труда Елизаветы Фёдоровны Шапарь. Вроде бы обыкновенные, ничего не значащие слова на самом деле имеют реальную силу. «Ремстройналадке» грозил штраф, и от правильно подобранных и расставленных слов зависело, отстегнут от предприятия двести тысяч или не отстегнут.

Ровно неделю назад июньским утром вместе с выпорхнувшим в городское небо солнышком и задорным щебетанием птиц Елизавету Фёдоровну принесли черти прямо в новую контору

«Ремстройналадки». С проверкой. Для начала она оставила следы на только что вымытом полу первого этажа. Не обращая внимания на шипение Ольги Вольдемаровны и на сразу поскучевшие физиономии конторских трудяг, Елизавета Фёдоровна быстренько свила гнездо в отделе кадров, и к ней по её требованию потащили свои бумажки главный бухгалтер и экономист по планированию. Зацепила она и Юрия Михайловича. Здороваясь, Елизавета Фёдоровна схватила его руку и так сдавила её, что у Волкова хрустнули пальцы.

Юрий Михайлович значился в штате блестящих ремстройналадчиков инженером по охране труда и промышленной безопасности. Сокращённо это выглядело так: инженер по ОТ и ПБ. С него она запросила свидетельства о закупке средств индивидуальной защиты для работников ООО «Ремстройналадка».

Под этими средствами подразумевалось многое. В числе самого интересного – прочные зимние куртки на утеплённой подкладке. Отличные куртки, любому морозу не по зубам! Затем валенки с резиновым низом, непромокаемые плащи, хлопчатобумажные костюмы, са

хлопчатобумажный, и суконные рукавицы. Ах да, с рукавицами у вас порядок. Готовьте списки и добывайте остальное!

Она опять больно стиснула ладонь Юрия Михайловича. За дверью отдела кадров он подал на побелевшие пальцы.

О приобретении спецодежды и обеспечении ею рабочих следовало уведомить Елизавету Фёдоровну в письменном виде.

Ага, конечно!

Иван Николаевич Никифоров прямо сейчас так вот возьмёт и выложит на сапоги и куртки один миллион четыреста тысяч рубликов из своего кармана. Из кармана, набитого собранными в богатых московских урнах окурками! Но ответ подразумевался положительный, другие варианты в расчёт не принимались.

Волков сунулся было к исполнительному директору – мол, положение тупиковое и раскошиться придётся. Исполнительный директор Ракитин выслушал Волкова и поразился, что к нему обращаются с такими глупостями.

– Волков, – сказал он прямо, – это твои дела! Заруби на своём носу: никакой спецодежды не будет.

– Как же так? – На простодушном лице Волкова круглые глаза округлились ещё больше. – Ведь есть приказ Минсоцразвития.

– И что?

– Исполнять надо.

Ракитин сморщился:

– Волков, ты ведь уже взрослый человек! Наверху издадут сотни приказов. Если все приказы исполнять – любое производство развалится к чёртовой матери.

– Но ведь Шапарь грозитя штрафом!

– Оштрафует – тебя накажу.

– Где же выход?

Ракитин выбрался из-за стола, подошёл и заглянул глубоко в глаза Юрия Михайловича.

– Для нас главное – прикинуться идиотами, – доверительно сказал он. – С готовностью взять под козырёк: «Есть! Приступаем!» Чёткий поворот через левое плечо и, роняя стулья, – бегом, бегом! Думаешь, Шапарь всей этой кухни не понимает? Ещё как понимает! Но делает вид, положено так. Она как бы приказывает, а мы как бы тужимся от усердия. Полгода минует – заявится с очередной проверкой, а мы скажем: «Не получилось! В лепёшку разбились, но не получилось! Сапоги были не сорок третьего, а только тридцать седьмого размера!» А пока

ответить надо с подходом, будто мы из оптовых баз не вылезаем, с утра до вечера по всей области шастаем – спецодежду ищем. Иди сочиняй письмо.

Слова в тексте письма складывались тяжело, точнее, никак не складывались. Когда-то в детстве Волков отличался неумением врать, но потом это прошло вместе с юношескими прыщами. По его убеждению, абсолютно честных было теперь поискать! Даже в «Ремстройналадке» работали только более или менее беспорочные люди... Однако давняя глупая

Иногда Сеня задавал странные вопросы. У главного бухгалтера, везущей отчёт в налоговую инспекцию, он мог спросить: «А много ли народа живёт в Аргентине и дорогие ли там квартиры?»

Волкова Сеня встретил без радости.

– Я решил: хватит конторских даром обслуживать. – От солнца Сенину голову прикрывала легкомысленная панамка, но рожа под нею сохраняла серьёзность. – Машина, даже казённая, имеет свой ресурс. Движок навернётся – кому опять чинить? Мне! Так что меньше чем за две-сти рублей не повезу!

– Хорошее дело, – согласился Юрий Михайлович, устраиваясь на переднем сиденье и перекидывая через плечо ремень безопасности. – Так и на новую машину собирать можно! Однако учти, я еду к даме. Значит, имею преимущество.

– А мне без разницы.

– Ладно. Платить как – наличкой или перечислением?

– Строго наличкой!

– А перечислением нельзя?

– Нельзя!

– Тогда Ракитин заплатит.

– Когда?

– Когда-нибудь заплатит. Ты, главное, верь!

– Дождёшься от вас! – закричал Сеня.

Мотор ожил, зарокотал, шлагбаум на воротах взлетел вверх, за стеклом проходной неясно проплыло лицо сторожа.

Лишь только под колёса легла дорога на улице Отважных Дружинников, с её кривыми трещинами и широкими провалами в асфальте, железные части машины и даже что-то в самом движке принялось дребезжать столь бодро и согласованно, словно некий виртуоз под капотом взял в руки банджо. Больше всего изумляло, что звуки заморской балалайки издавал не какой-нибудь форд или шевроле, а наш соотечественник, рождённый на берегах Волги! И вот так весело, с музыкой Юрий Михайлович полетел на встречу к Шапарь.

Музыкальное сопровождение Сене пришлось не по нраву.

– Ну? Что я говорил? Завтра опять на ремонт вставать!

– Почему?

– Потому. Покатайся на этом хламе полтора года – в два счёта определять начнёшь. Хотя какой там ремонт – видимость одна. С копеечной прокладкой – и то проблемы. У механика на всё ответ: «Денег не дают».

– Это верно, – согласился Волков, – ни на что не хватает. С деньгами туго.

– А то как же! Куда, по-твоему, деньги деваются?

– Куда-нибудь деваются.

– «Куда-нибудь». Известно куда!

– Ты лучше вперёд смотри.

Зря он так сказал. Рыжий, словно подпалё

не тревожил мёртвые руины, лишь изредка шныряли в траве коты, вылавливая расплодившихся полёвок.

– Я лишь теперь стал соображать: жизнь проходит, а я как дурак торчу в «Ремстрой-наладке», – объявил Голубь.

– А чего ты хочешь? Полететь в космос?

– Я знаю, чего я хочу. Денег вот только нет.

Он крутанул баранку, огибая глубокую яму.

– Валишь надо отсюда. Ноги в руки – и валить!

– Легко сказать. Где ты в Асинске денежную работу найдёшь?

– Ты, Михалыч, не понял. Совсем валишь. Из города. Есть же места получше, чем эта дыра.

– Есть, – кивнул Волков.

– Вот! И я догадываюсь. – Сеня заёрзал на сиденье. – А где?

– В Германии. Или в Швеции.

– В Швецию можно бы. – Сеня сдёрнул панамку и вытер лоб. – Но разве со шведами договоришься? Они ж не поймут ни черта...

Оба опять замолчали.

Улица была пустынна. Лишь попался на встречу толстый пацан, крутивший педали велосипеда и виливший рулём так, что чуть было не угодил под колесо жигулёнка, на что Голубь, высунув голову в окно, отозвался очень неодобрительно.

Вторую неделю подряд город принимал солнечные ванны. Ванны, надо признаться, были полны до краёв. Припекало столь немилосердно, что даже воробьи, найдя воду, отчаянно бросались в неё, не боясь утопиться. То ли тучам запретили появляться над Асинском, то ли ещё возникла какая причина, но они дорогу сюда забыли. Над всей Испанией бушевали дожди, в Чили с гор сошла снежная лавина, в Италии выпал град величиной с куриное яйцо, и только Асинск не знал, куда деваться от жары!

Спустившись, автомобиль повернул на улицу Желябова, прошмыгнул вдоль девятиэтажек, размалёванных в жёлтое и розовое, затем мимо зубастой красотики на огромном щите: «Идеальные зубы – это просто! 2 минуты – и у вас безупречная улыбка!», мимо школы и аптечного склада, ещё раз свернул налево и подрулил к месту назначения.

Кирпичное здание Центра занятости населения, где на четвёртом этаже располагался кабинет с табличкой: «Инспекция труда», с трёх сторон окружали тополя. Это были молодые дерев-

ца, которые только набирали силу и у которых вся жизнь впереди. Под ними зеленела подстриженная трава.

На первом этаже на стене в рядок висели одинаковые стен

брезгливостью, словно он по меньшей мере испытатель подводных аппаратов, а ему тут предлагают невесть что. Судя по разочарованным лицам, не было среди соискателей врачей-стоматологов, инженеров-конструкторов. Да чего там, уборщиков производственных помещений – и тех не было!

Обогнув временно безработных, Волков устремился вверх по лестнице.

С третьего этажа спускалась заплаканная женщина с сумочкой на левом плече. Увидев Волкова, она радостно кинулась к нему:

– Простите, это не вы Максим Максимович Сарафанников?

– Нет, – озадаченно протянул Юрий Михайлович. – Сроду им не был.

Ответ очень огорчил заплаканную.

– Ну что за день, будь он неладен!

Она продолжила путь вниз. А Юрий Михайлович вскоре был на четвёртом этаже. Нужная дверь оказалась приоткрыта.

– Разрешите? – спросил Волков, всунув в щель круглое приятное лицо.

В ответ решительно прозвучало:

– Да!

В просторном кабинете инспекции труда один из двух рабочих столов пустовал. А тот, что находился ближе к окну, занимала инспектор Шапарь.

Между окном и стулом Елизаветы Фёдоровны монотонно шумел, поворачивая круглую голову, напольный вентилятор. Волосы инспектора труда шевелились.

– Всё неправильно! – сказала Елизавета Фёдоровна. – Ну абсолютно всё неправильно!

Она брезгливо отодвинула письмо.

Юрий Михайлович, сидевший напротив, заёрзал. Попадая в кабинеты, где с ним разговаривали повелительным тоном, он совершенно терялся. Руки как бы становились лишними, и он не знал, куда их деть, то почёсывал нос, то зачем-то теребил ухо.

– Это надо переделать.

– Почему?

– Потому!

Сразу вспомнились утренние муки перед чистым листом, срубленная ёлочка и вопли котят. Вентилятор в этот момент повернул голову и дунул в лицо Юрия Михайловича.

– Подождите, подождите. Исполнительный директор ознакомился и одобрил. Вот видите, его подпись внизу.

– Подпись вижу – сплошные вертлявые завитушки. Только не пойму, зачем он её поставил?

– Могу вас уверить: Ракитин где попало не расписывается. Не такой он человек, чтобы расписываться где попало.

– Дорогой мой, вы привезли отписку, которая ничего не значит.

– Этого не может быть

- Денег не было, а так ничего не мешало.
- Что, совсем не было денег?
- Совсем, – признался Юрий Михайлович.
- Даже нисколько?

Волков не стал упоминать Ивана Николаевича Никифорова, который в Москве обеими руками выгребает все деньги из предприятия, и лишь опять дёрнул себя за ухо.

Среди малоизученных достоинств Елизаветы Фёдоровны следует отметить такое: с теми, кого приходилось проверять, она не была кровожадной. Или, лучше сказать, не требовала крови любой ценой. Она не отмахнулась от Волкова: «А мне какое дело?» Она знала, что, хотя деньги на спецодежду выделяют другие люди, отвечать в случае штрафа придётся Волкову. Это он понесёт свою голову на плаху.

И она сказала:

– Вот и напишите: «Ввиду бедственного финансового положения мы частями будем приобретать то, что необходимо работникам предприятия». И дату укажите, к какому сроку всё будет закуплено.

Волков скатился с четвёртого этажа, вышел на крыльцо и посмотрел вверх.

Голубенькое небо цветом и незамутнённой чистотой смахивало на ленты, которыми при выписке из родильного дома перехватывают конверты с новорождёнными мальчиками. Юрий Михайлович посмотрел вниз. Угомонившийся ветерок лениво гонял по щербатому асфальту мятый полиэтиленовый пакет. Сени и его машины не было. Волков походил перед ступеньками, недобрым словом поминая наглеца, затем присел на скамеечку.

Голубь появился через полчаса.

– В контору, – коротко буркнул Волков, открыв переднюю дверцу.

– Не иначе, Михалыч, трёпку тебе задали? – с наглой ухмылкой поинтересовался Сеня.

Как и все водители, которые мотались с конторской братией по разным организациям, Сеня позволял себе фамильярность. Однако интуиция подсказывала смышлёному Сене, что дерзить можно до определённой черты, и то не всегда. Вот и сейчас, не получив ответа, он заговорил совсем другим тоном:

- Что-то не заладилось?
- Не заладилось. Письмо не устроило.
- А письмо – этой даме?
- Ей.

Сеня наморщил лоб, сделал умное лицо и сказал:

- Может, ты в письме намекал на что-нибудь?
- На что я могу намекать в казённом письме?
- Мало ли. Я думаю, и в казённом письме можно намекать, ещё как!

– Ни на что я не намекал.

– Для таких случаев есть верный способ: надо послать даму куда-нибудь подальше.

Волков покачал головой:

– А вот этого как раз нельзя.

Жигулёнок свернул на улицу Отважных Дружинников и начал взбираться по ней.

Через полчаса новый текст был готов. Выглядел он так:

«Уважаемая Елизавета Фёдоровна!

Просим Вас продлить срок выполнения предписания № 05/12/68/15-18-95-8Б по пункту 7 до 14.07.2018. Администрацией ООО «Ремстрой-наладка» принято решение о выделении денег, для того чтобы произвести частичную закупку средств индивидуальной защиты (СИЗ) работникам предприятия. К сожалению, приобрести СИЗ в полном объёме не можем из-за финансовых затруднений».

Дату продления он наметил сам, справедливо полагая, что, если Ракитину не понравится, тот поправит. Второе письмо выглядело гораздо внушительней. «Вот теперь порядок! – довольно подумал Юрий Михайлович. – Теперь ни одна собака не подкопается!»

По новой заручившись подписью исполнительного директора, Волков поехал в инспекцию труда.

– Михалыч, мне ещё в одно место надо, – сказал Сеня, когда пассажир выбирался из машины. – Я быстро смотаюсь.

– Нет, – сухо отрезал Волков. – Здесь стоять.

– Михалыч, будь человеком!

– Я сказал – нет!

Не оглядываясь, он заспешил по ступенькам к входной двери.

– Господи, – шумно вздохнула уважаемая Елизавета Фёдоровна. – Чем вы слушали только?

– Что такое?

– Опять не то.

– Но позвольте...

– Я говорю: не то!

– А как надо? – совершенно потух Волков.

Дама сгребла карандаш и приступила к работе. У неё были сильные руки. Мощные, мускулистые, с жёсткой кистью. Подавленный Юрий Михайлович не сомневался, что такими ручищами можно запросто скрутить быка.

Сила для женщины – вещь ненужная и вредная. Сила явилась главной помехой в личной жизни Елизаветы Фёдоровны. Своих мужей она крепко била за разные шалости на стороне. После того как двое в ужасе сбежали, охотников доставить счастье одинокой женщине долгое время не находилось. Елизавета Фёдоровна теперь задумывалась: что у неё не так с мужьями? Ну поколотила раз, другой. Понятно же: если бьёт – значит, любит. А тут как раз на горизонте

появился узбек. Низкорослый и щупленький южанин, однако с гонором. Он плохо говорил по-русски, а из тех слов, что знал, мог составить только одно предложение: «Жена должна слушать и бояться мужа своего». «Ну-ну!» – усмехалась про себя Елизавета Фёдоровна и проявляла нечеловеческую выдержку, чтобы раньше времени не трогать этого героя. Для начала его надо было довести до загса.

Юрию Михайловичу всё это было неведомо. Он смотрел на руки Елизаветы Фёдоровны и представлял быка – огромного, с налитыми кровью глазами, тяжело дышащего. К быку подходит Елизавета Фё

– У этой Шапарь не поймёшь, чего ей надо, чего она требует, – начал сбивчиво оправдываться инженер по охране труда и почесал нос.

– Она что, говорит не по-русски?

– По-русски. Но я смысла не улавливаю. То она так подразумевает, то этак.

Ракитин с грохотом опустил кулак на стол:

– А ты так и этак подразумевать не можешь?

– Стараюсь, но не выходит.

– Да... То, что варит твоя голова, к употреблению не годится. В таком случае отправляйся к юристке. Та насобачилась подразумевать повсюду, пусть покажет, как правильно. А для надёжности заготовь штук восемь вариантов, а уж там вы с этой Шапарь выбирайте лучший из них!

– Нет, этот вариант будет окончательным, я её уговорю.

– Ты, Волков, когда женился, свою избранницу так же долго уговаривал? Смотри, за поездки туда-сюда я с тебя за бензин вычту!

Исполнительный директор взял чашку, подошёл к окну и, прихлёбывая, наблюдал, что происходит внизу. Волков выскочил из конторы и ринулся к жигулёнку. Водитель в панамке горячился. Видно было, что он не хотел ехать и упирается, как заноза. Он размахивал руками, что-то кричал, сдёрнул панамку и сильно хлопнул ею по капоту. Затем оба сели в жигулёнок и укатили.

– Послал же господь работников, – вздохнул Ракитин, допивая остатки кофе. Затем открыл дверь и сказал секретарю-референту: – Предупреди водителя: после обеда отправляемся на шестой участок...

Пока машина в третий раз прыгала вниз по улице Отважных Дружинников, Волков, вспоминая, вычислял в уме, сколько раз он приступал к осаде крепости по имени Елена Петровна. Выходило гораздо меньше трёх, и никакой штраф в двести тысяч ему тогда не грозил. Теперь иные времена, иные нравы.

Когда жигулёнок затормозил возле крыльца, Сеня напутствовал:

– Если опять осечка – пешком сюда ходить будешь.

Но на этот раз всё прошло без сучка и задоринки. Отлично всё прошло! Елизавета Фёдоровна прижимала к уху мобильник, и там ей сообщали о чём-то хорошем.

– Да ну! – восклицала она. – Да что ты, Ботирчик! Золотце ты мое! Да не может быть!

Не прерывая разговора и не глядя в текст, она сунула письмо в ту папку, где покоились душевные письма.

Испытывая громадное облегчение, Волков быстро откланялся и незаметно прихватил со стола двухцветную ручку Елизаветы Фёдоровны.

Сеня, нервы которого были совсем не железными, коротко спросил:

– Что?

Проезжали мимо диспетчерской. На крыше магазина, торгующего электроникой, сидело огромное насекомое – зелёное и с планшетом на коленях. Из него иногда выпускали воздух, и тогда на крыше комком дыбилась резина. После очередной недельной паузы его вместе с планшетом надули вновь.

– Жуков! – закричал электрик Костя усатому слесарю. – Поприветствуй родственника – кепкой махни!

И показал пальцем на крышу.

Дежурка пылила дальше. Из открытых окон второго этажа Горэлектросети вырывались звуки баяна. Там в красном уголке репетировал казачий хор «Здравица». Женские голоса могуче выводили «эх!» и «ух!». Песня гремела настолько внушительно, что казалось, сам баянист сейчас бросит баян и вылезет в окно, размахивая шашкой.

Выйдя на горбольницу, Юрий Михайлович заглянул в «Ярче!», покружился среди полок и, пошевелив в глубоком раздумье бровями, сложил в пластиковую корзинку хлеб, упаковку яиц, ноздреватый сыр, банку майонеза, кетчуп, печенье и литровую коробку томатного сока. После чего отстоял небольшую очередь к кассе и расплатился пластиковой карточкой.

Путь до дома занял ровно двенадцать минут.

Возвращался Юрий Михайлович от конца улицы Кирпичной к её середине. В ранние годы городка здесь добывал глину и обжигал кирпичи небольшой заводик. Заводик исчез, не оставив после себя никаких следов, кроме названия улицы.

Улица как улица. Она, может быть, и мечтала в первые годы свои лечь прямо, но сделать ей это целиком не удалось. Хотя отдельные участки и вытянулись, как шпага, но в паре мест она выписывала такие замысловатые загогулины, словно увядающая кокетка, которая крутит бёдрами, чтобы обратить на себя внимание. До сегодняшнего дня её старания разбивались в пух и прах, но как раз с сегодняшнего дня всё решительно стало меняться. И причастной к изменению оказалась усадьба Юрия Михайловича Волкова. Именно его усадьба, и ничья другая.

Волков шёл расслабленной походкой беспечного отпускника. На него после пережитых волнений с письмом накатил прилив благодушия. Он милостиво рассматривал неказистые домишки; ухабистая пыльная дорога не вызы-

вала ни досады, ни раздражения. У дома под номером девяносто три в тени забора прятались шесть гусей. Один угрожающе зашипел, но Юрий Михайлович приструнил его снисходительной усмешкой. В нескольких дворах на цепях сидели собаки. Все они были Волкову знакомы. Некоторые приветственно тявкали, другие, страдая от жары, молча следили сонными взглядами. Из переулка вывернулась коротконогая белая шавка из тех, что живут неизвестно где, питаются бог знает чем, однако при этом не утрачивают дружелюбия и восторга.

– Тузик, Тузик! – назвав наугад одну из простеньких кличек, позвал он.

Глядя на человека счастливыми глазами, собачонка затрусилась около – то отставая, то забегающая впер

